

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31696/S086919080036397-3

Для цитирования: Саркисов К.О. [Рец. на:] *Японская культура на Западе. Коллективная монография*. Отв. ред. Е.Л. Катасонова, А.А. Долин. М.: ИВ РАН, 2024. 544 с. ISBN: 978-5-907846-81-4. *Восток (Oriens)*. 2025. № 5. С. 284–288. DOI: 10.31696/S086919080036397-3

For citation: Sarkisov K.O. [Review of:] *Japanese Culture in the West*. Ed. E.L. Katasonova, A.A. Dolin. Moscow: IOS RAS, 2024. 544 p. ISBN: 978-5-907846-81-4. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 5. Pp. 284–288. DOI: 10.31696/S086919080036397-3

**ЯПОНСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЗАПАДЕ
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ
ОТВ. РЕД. Е.Л. КАТАСОНОВА, А.А. ДОЛИН
М.: ИВ РАН, 2024. 544 С. ISBN: 978-5-907846-81-4**

© 2025

К.О. САРКИСОВ ^а

^а – Центр международных японских исследований университета Хосэй, Токио, Япония
ORCID: 0000-0002-6398-0785; sarkisovko@yahoo.com

Недавно вышедшая в свет масштабная коллективная монография – плод научного творчества старейшего востоковедного института России. На фоне деструктивных современных этнических и политических конфликтов авторы обращаются к историческому примеру бесспорно позитивного феномена международной жизни. Речь идет о взаимопроникновении культур, их взаимообогащении и взаимной «подпитке», по выражению научных редакторов книги.

Такая книга важна еще и потому, что другие отечественные коллективы и индивидуальные исследователи порой придерживаются иного подхода: в стремлении точнее описать эстетику, этику и национальную систему ценностей они делают упор на «генетически» предопределенную несхожесть японской и западной (в том числе российской) культур. В некоторых же работах, напротив, подчеркивается «глубинная связь России с Востоком, с восточной органикой» – возвращение к старой дореволюционной концепции «евразийской» культуры как «симбиоза» культурных традиций, «кентавра» двух культур: европейский (русский) торс на теле азиатской (монгольской) лошади. Впрочем, порой в современном дискурсе речь идет и о некоем «взаимопоглощении», рождении нового типа культуры в экстравагантной фантазийной концепции «Японо-Руссии».

Совместный труд коллектива из четырнадцати авторов, объединенных под эгидой Центра японских исследований Института востоковедения РАН, не абстрактное мудрствование, а построенное на тщательно выверенных аналитических материалах комплексное освещение многосторонних контактов культур как «взаимообогащения», а не «взаимопоглощения». Именно такую концепцию формулируют во Введении ответственные редакторы и составители книги.

Тот же тезис прослеживается в глубоких по содержанию главах В.Э. Молодякова и Е.С. Штейнера, размещенных в первой части монографии, композиция которой свидетельствует о последовательности историко-культурных трансформаций в Новое и Новейшее время.

Феномен западной культуры, названный впоследствии *Japonisme*, зародился и оформился как эстетическая концепция во Франции, получив свое название во франкоязычном написании. Однако процессы интеграции культур, характерные для французского «японизма», имели место фактически во всех основных странах европейского континента, в немалой мере повлияв также на литературу, живопись и архитектуру обеих Америк.

В самой Японии поверхностное увлечение Западом «жапонесками», принявшее форму япономании, на начальном этапе встречало сугубо критическую оценку, но отношение к этому модному поветрию изменилось на положительное после русско-японской войны. Японцы поддерживали западные и российские суждения о том, что именно стойкостью «японского духа», а также особенностями японского менталитета и этноса во многом можно было объяснить трудную победу над заведомо более сильным противником.

Правда, в интеллектуальной среде Японии в ту пору настоящих апологетов собственной культурной уникальности было не так уж много. Их число резко увеличилось в 1920–1940-е гг. после провозглашения агрессивного курса на внешнюю экспансию, аннексии Маньчжурии, и достигло пика с началом «большой войны» в Китае, а затем и войны на Тихом океане. То был «японизм» в националистической коннотации, приведший к расколу в отношении интерпретации самого явления.

Среди космополитично настроенной интеллектуальной элиты в годы Мэйдзи-Тайсё нередко наблюдалось и открытое неприятие этого концепта. Известная поэтесса Ёсано Акико (1878–1942) в 1916 г., в интервью так говорила о западном *Japonisme*: «Мне непонятно, что такое “увлечение японским”, как, впрочем, вряд ли я смогу понять и “увлечение западным”. Увлекаться можно просто хорошей литературой». Сама Акико, в частности, увлекалась «старыми романами и повестями», и приводила в пример увлечение романом Ганса Христиана Андерсена «Импровизатор» («Соккё сидзин»).

Журнал «Сигарамидзоси» («Запруда»), выходящий под редакцией Мори Огай – писателя, поэта, критика и переводчика, активного распространителя лучших образцов западной литературы, убежденного сторонника баланса между японским и западным, стал проводником идеи «взаимообогащения» культур, как и журнал Ёсано Акико «Мёдзё» («Утренняя звезда»), и ряд других влиятельных периодических изданий. Тем не менее японская творческая интеллигенция, разумеется, не отрицала самобытности национальных традиций, призывая к осознанному культурному взаимодействию.

На Западе процесс сближения культур, по крайней мере на начальном этапе, воспринимался более легковесно. В связи с этим высказыванием хотелось бы коснуться одной важной темы. Речь идет о разнице между французскими дефинициями: *Japonisme* и *Japonaiserie*. Первое – это эстетическое течение с особыми взглядами на принципы выразительности и технику карандаша, кисти, резца, глины и т.п. Второе же – художественное изделие, картина, гравюра, фарфор, костюм и прочие атрибуты материальной культуры «с японским колоритом».

Серьезному восприятию японской культуры на Западе способствовали в первую очередь, разумеется, труды пионеров академического японоведения, о которых достаточно подробно рассказывается в главе А.В. Гудковой. Перед читателями встают живые портреты Бэзила Чемберлена, Уильяма Астона, Артура Уэйли, Дональда Кина и некоторых других прославленных японистов, чьи книги стали путеводными звездами для всех, интересующихся Японией и ее обитателями.

Во второй части монографии раскрываются малоизученные грани японизма, нашедшие яркое отражение в западной поэзии, музыке, высокой моде. «Как милые безделушки», то есть как *Japonosairie* воспринимались поначалу на Западе и шедевры японской поэзии кратких форм *танка* и *хайку*, – пишет А.А. Долин в главе «Хайку – долгий путь на Запад». Поэт и переводчик, автор большого числа книг, исследовательских работ по японской поэзии и ее переводов, он на множестве примеров описывает влияние японской поэзии на западную литературу. Выясняется, что поэзии хайку, ныне ставшей единственным транснациональным и трансконтинентальным поэтическим жанром, отдали дань такие признанные классики, как Поль Элюар, Поль Клодель, Эзра Паунд, Уильям Батлер Йейтс, Антонио Мачадо, Рафаэль Альберти, Джузеппе Унгаретти, Хорхе Луис Борхес, Октавио Пас и другие властители дум XX в., среди которых есть несколько нобелевских лауреатов. Таким образом, хайку стали полноценной составной частью мирового литературного процесса.

Влияние хайку легко можно обнаружить и по сей день. В образовательном музее живописи при Бейтс-колледж, Льюистон, штат Мэн можно прочитать обращение к студентам с призывом брать уроки по теме «Хайку и Укиё-э»: «На занятиях, вдохновлённые японскими гравюрами, студенты сочиняют стихи в традиционном японском стиле и тем самым развивают навыки использования описательного языка и улучшают владение пунктуацией. Создавая рисунки, вдохновлённые одним из своих хайку, они постигают то, как искусство и поэзия влияют и дополняют друг друга».

Авторы японского раздела грандиозной всемирной «Энциклопедии поэзии и поэтики» Принстонского университета эстетическую концепцию ориентации на явления природы передают словами Басё: «Все искусства по своей природе едины. В искусстве человек подчиняется энергичному творчеству природы и дружит с четырьмя временами года. Человек искусства не видит ничего, кроме цветов, и не жаждет ничего, кроме луны».

Влияние эстетики и графики *Japonisme* было универсальным: оно коснулось и европейской моды, о чем пишет А.В. Бакина в главе «Японизм в европейской моде второй половины XIX – первой половины XX века».

Однако, если в области живописи, поэзии и даже женской моды японское проникновение на Запад воспринималось интеллигентной публикой в основном восторженно, то не менее характерны для раннего этапа знакомства были отрицательные эмоции в отношении японской музыки, издаваемой традиционными инструментами – *кото*, *сямисэном* или *сякухати*. В статье «Музыкальный японизм», приводя высказывания европейцев, в том числе и признанных японоведов, соревнующихся в сарказме по поводу звучания японской музыки, Н.Ф. Клобукова объясняет это кажущейся непреодолимой «генетической» преградой – идиосинкразией западного слушателя к тембру или окраске звука, привычной и приятной слуху европейца. Она констатирует: «акустический стереотип, который был им [европейцем] воспринят с детства, не совпадает с аналогичным стереотипом японца, и наоборот».

Тем не менее влияние «ориенталистской» волны в западной культуре можно обнаружить в музыкальном (оперном) искусстве Европы: «Аида» Верди с древнеегипетскими мотивами, индийские мотивы в «Искателях жемчуга» молодого Бизе, «Таис» Массне об истории египетской куртизанки и, наконец, «Мадам Баттерфляй» Пуччини на японские мотивы. Несмотря на «лубочный» характер изображения Японии в либретто Беласко, композитор стремился включить в свою музыку мелодику японских песен и даже национального гимна. Усилия композитора увенчались успехом и, как считает Н.Ф. Клобукова, «позволяют говорить о японской интонационности всей оперы». В дальнейшем, как известно, отношение к японской музыке радикально изменилось, а *кото* и *сямисэн* даже стали интегрироваться в выступления западных ансамблей.

В третьей части монографии, охватывающей период послевоенного «японского бума», читатель знакомится с культурными процессами Новейшего времени, создавшими основу современной, в значительной степени глобализированной, цивилизации. В главе, рассказывающей о небывалом взлете и всемирной популярности японского кинематографа, Е.Л. Катасонова упоминает таких патриархов японского кино, как Куросава Акира, Инагаки Хироси, Мидзогути Кэндзи, Одзу Ясудзиро и многих других лауреатов международных фестивалей, чье творчество вдохновило десятки западных режиссеров.

Не менее увлекательна глава того же автора о внедрении японского стиля в западную высокую моду. Большая волна, вынесшая на подиум шедевры японских дизайнеров Мори Ханаэ, Такада Кэндзо, Косино Дзюнко, Мацуда Мицухиро, навсегда изменила представления европейской и американской публики о прекрасном в одежде, обуви, косметике и сопутствующих аксессуарах.

В очерке Т.Н. Матрусовой о «неяпонских» японских садах мы открываем совершенно новую для Запада, но уже вполне сложившуюся традицию садово-паркового искусства, заимствованную из страны Восходящего солнца и переосмысленную применительно к потребностям и эстетическим установкам обитателей иного эгрегора.

Глава А.А. Шангина о японской художественной литературе на Западе в некотором роде суммирует наши представления о роли нобелевских лауреатов Кавабата Ясунари, Оэ Кэндзабуро и Исигуро Кадзуо, о психологической прозе Танидзаки Дзюньитиро, о необычайной актуальности новелл Акутагава Рюноске, о культе Мисима Юкио, об особенностях творческой манеры Харуки Мураками и о многих других классиках успешно шагнувших из XX в. в XXI в. и прочно утвердившихся на книжных полках читателей во всех странах мира.

Составители книги, безусловно, не могли обойти вниманием магическую притягательность дзэн для «продвинутой» западной аудитории, которая не преминула включить наследие этой буддийской секты в комплект западных духовных ценностей. Исследование А.Г. Шехтера показывает, как за несколько десятилетий экзотическое восточное учение полностью адаптировалось и институционализировалось в Новом свете, вписавшись в цветистую палитру американских старых и новых религий.

Едва ли стоит напоминать о том, что триумфальное шествие восточных боевых единоборств по планете началось с экспорта на запад традиционных японских *будо*. Занимательную историю этой успешной трансплантации целой сферы духовной и материальной культуры освещает обзор отечественных исследователей традиций воинских искусств А.А. Долина и Н.Э. Рудакова.

Последняя, четвертая часть коллективной монографии затрагивает как нельзя более актуальную область современной цивилизации – поп-культуру. Именно здесь мы видим неоспоримое торжество японского гения над всеми конкурирующими западными и восточными брендами. Исследование Л.Ш. Кулиевой проливает свет на процесс интенсивной экспансии японских электронных игр, которые сегодня составили огромный сегмент колоссального международного рынка. Очерк А.Р. Ратничкина вводит читателя в безумный мир японских субкультур, напрямую связанных с популярными анимэ и обретающих все новых поклонников в самых различных странах. Наконец, работа Г.Б. Дуткиной впервые демонстрирует удивительные способности представителей японской нечистой силы (*ёкаев*), заполонивших западную литературу и кинематограф, превративших сугубо японский жанр рассказов об удивительном и ужасном (*кайдан*) в модный международный тренд.

Надо отдать должное составителям и научным редакторам этого монументального труда, сумевшим сохранить баланс между сухим академизмом и стихией безудержной популяризации. Все главы книги выдержаны в едином стиле, безусловно, создающем атмосферу комфортного чтения. Оформление крупноформатной пятисотстраничной монографии

заслуживает всяческих похвал. Мы видим здесь сочетание цветных репродукций и фото с сотнями вспомогательных черно-белых иллюстраций, равномерно распределенных по тексту – от портретов писателей и художников до образцов высокой моды и планировки садов. Этот визуальный ряд, сформированный оформителем книги, существенно облегчает восприятие материала.

В заключение хотелось бы добавить, что книга «Японская культура на Западе», по замыслу составителей, является первым томом серии, призванной выявить истинную роль и значение японской культуры не только в странах Европы и Америки, но также в России и на её исторической родине. Будем надеяться, что вся серия вскоре увидит свет.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САРКИСОВ Константин Оганесович –
кандидат исторических наук, приглашенный
исследователь Центра международных
японских исследований университета Хосэй,
Токио, Япония.

Konstantin O. SARKISOV, PhD (History),
Inviting Researcher, Hosei University Center for
International Japanese Studies, Tokyo, Japan.

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 17.10.2025
Тираж 250 экз.

Формат 70×100/16
Зак. № 969

Усл. печ. л. 20.68
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук,
Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН
Издатель: Институт востоковедения РАН
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ИП Сеньковский Н.А.
115407, Москва, Нагатинская наб., д. 54, пом. 4
Отпечатано: ИП Сеньковский Н.А.